

По-прежнему наш современник

Л. Фортинов

Как-то пришел ко мне Е. Решетько и принес журнал «Зарубежная радиоэлектроника», где в числе объективных методов исследования НЛЮ включены работы... Роберто Орос ди Бартини. Примерно представляя научное наследие Бартини и его волю в опубликовании большинства исследований после 2197 года, я невольно подумал, что открытие Бартини о всеускоряющемся прогрессе заставляет ученых осваивать его творчество заранее. И как знать, не окажутся ли многие из тех, кто был с ним хорошо знаком по работе или по беседам, свидетелями признания его гениальности задолго до года 2197... Поэтому, принимая во внимание неумолимое поредение, мне кажется, наступила пора постараться организовать их воспоминания, чтобы из мозаики потомкам было легче восстановить образ этого необыкновенного человека. Надеюсь, что мои скромные записки вызовут интерес к этому.

Еще на увлекательных лекциях профессора И.Г. Немана по основам авиации 40 лет назад в ХАИ услышал я об авиаконструкторе «Сталь - 6», ДАР - 5 и ДБ - 240 (Ер - 2) Роберто Бартини. Кроме характеристики «удивительный талант» да информации о созданных под его руководством самолетах - незаметных, в общем-то, на фоне Ил, Як, Ту, МиГ, Ла, По, Пе и других известных - об этом человеке больше не было ничего сказано. (Лишь немного позднее я понял, почему И.Г. Неман был, как и Бартини, из «шараги», а о людях оттуда говорить в те времена было опасно). Второй раз информация о Бартини была получена из совершенно неожиданного источника - от лекальщика завода имени Димитрова, пенсионера, с которым я в 1957 году, приехав по направлению на работу, вел «переговоры» о снятии комнаты под жилье. По словам этого человека, Бартини был беспримерным чертежником. Зайдя в плазовую, где в таганрогский период жизни Бартини он работал, Роберто сделал замечание, что плазируется не тот профиль крыла, и левой рукой подправил его карандашом, как оказалось при сверке с атласом, с точностью до 0,5 миллиметра на длине хорды один метр! Это было уже из области осязаемых чудес, сродни уникальным способностям академика-двигателяста Микулина (см. книгу А. Бека «Жизнь Бережкова»), выполнявшего чертежные работы без линейки и циркуля.

Подивился я вместе с лекальщиком, что есть такие люди, и... забыл. Тем более, что начало моей инженерной деятельности оказалось очень напряженным: немного П-10 и Бе-6, побольше Бе-10 и «на всю катушку» - Бе-12, словом, некогда было заниматься, как я тогда думал, историей, надо работать на авиацию с полной отдачей.

Потом, контактируя по работе с прекрасными инженерами Н.Г. Ревуновым, Б.П. Салищевым, Д.Я. Луценко и многими другими, под большим секретом узнал, что в Таганроге с 1946 по 1948 год было КБ заключенно-вольнонаемных конструкторов под руководством Бартини, ходившего до окончания срока («десятырички» по О. Вишне) только в сопровождении человека в шинели. Создали и довели до строительства транспортный самолет «Кит» с герметичной кабиной (позднее узнал, что Ан-8 многое у него позаимствовал), из-за отсутствия авиаспециалистов скомплектовали бригаду «контролеров», проработывавших и контролировавших сложные механизмы и устройства, создали картотеку внутренних объемов по 8 л. для координирования монтажей (вот бы тогда ЭВМ!), внешние обводы задавались кривыми второго порядка... Также по секрету передали о любви Бартини к женщине, подарившей ему сына...

Однако в курьерском темпе работы и такая информация вызвала лишь интерес типа «и так бывает», а на большее ни времени, ни энергии не хватало. Так бы - отстранено - и прошла судьба Бартини мимо моей, оставив едва заметный след, если бы не...

...В 1963 году в нашем ОКБ уже существовали КБ, в том числе КБ-1, где были объединены теперешнее первое и пятое конструкторские бюро. Во главе фирмы по-прежнему

стоял Г.М. Бериев, а начальником КБ-1 был А.С. Корытин - человек, по-настоящему преданный гидроавиации. Мы, несмотря на разницу в возрасте, достаточно интеллигентно сотрудничали, и его умная деловая хватка imponировала мне по содержанию, хотя иногда коробила по форме. Вызвал меня А.С. Корытин и дал задание подключиться к разработкам аванпроекта самолета-экраноплана Бартини. Да еще добавил, что работать надо по-настоящему, так как тема стоящая. Пошел я в комнату нашего ведущего конструктора И. А. Берлина, познакомился. Собирая и разбирая в руках небольшую модельку катамаранных поплавков, Иосиф Александрович поставил передо мной, начальником бригады пневмосистем, ряд задач, в число которых входила разработка систем наполнения и вакуумирования большущих (14 метров длиной и два с половиной диаметром) поплавков.

Ушел я с невеселыми мыслями: мне, воспитанному на изящных шасси Бе-12, эти «пузыри» сразу же не понравились. Но есть задание и надо работать. «Сочинил» несколько вариантов систем, обсчета их, начертил что надо для иллюстрации, и пришел к И.А. Берлину. Доклад начал довольно-таки нахальной фразой: «Мне не понятна идея «пузырей» на самолете».

Иосиф Александрович улыбнулся и показал на стол в углу, за которым сидел черно-волосый человек: «Вот этот товарищ вам все объяснит». Подсел я к «товарищу», убедился, что оба мы не любим застегнутых ворот рубашки, но что он более рационален в свободе затяжки галстука, представился и спросил, как его зовут. Тот немного в растяжку ответил: «Роберт Людовигович». Я повторил, но с вопросом: «Людовигович или Людвигович, побетховенски?» - «Вы знаете Бетховена, играет?» - «Немного». - «Значит, вы маэстро? Так вас и зашифруем. Но, пожалуйста, потренируйтесь - Людовигович». После этого он начал рассказывать: «Представьте себе, что вам надо создать аппарат вертикального взлета и посадки для суши, снега, воды, льда, болота и песка. Какое шасси подойдет для этой цели?» - «Надо бы подумать». - «Хорошо, подумайте пару деньков и приходите».

Ушел я думать. Не о том, разумеется, с кем говорил, а о шасси для диковинного аппарата. Сколько не ломал голову, а в конце концов «пузыри» вылезли-таки на первый план. Заело меня, но на третий день пошел к Роберту Людовиговичу докладывать. Разговор получился конфиденциальный, без «тыкания носом», с юмором. А обсуждение предложенных мною систем, в основе которых было заложено эжектирование-инжектирование с использованием воздуха от реактивного двигателя, получилось на удивление компетентным и располагающим. Вроде бы решения у него где-то подсознательно зрели, но только я смог их профессионально создать. Представляете, как мне было приятно! После этого я не мог не спросить у Берлина, с кем я работаю. «С Бартини!» - «Тем самым?! Каким? Сталь-6, Ер-27?» - «Да, с тем самым...».

Так он впервые - живой, доступный, ненавязчивый, умный и в высшей степени приятный в беседе - вошел в мою судьбу, в дальнейшем во многом повлиявший на мои нравственные и технические «устои»... Говоря о Бартини, /трудно рассказать все, что в памяти. Поэтому, чтобы не повторяться вслед за хорошими книгами И. Чутко «Красные крылья» и «Мост через время», за статьями в журналах и газетах и не делать рассказ слишком пространным, постараюсь дать представление о нем гораздо суше и выборочнее, чем того требует память о нем. Но лишь потому, что уверен, в силу энциклопедичности Бартини, неординарности его гения, интерес к нему вскоре вспыхнет с новой силой.

Итак, Роберто Орос ди Бартини, потомственный вельможа, сын министра иностранных дел Италии, параллельно с гимназией обученный домашними педагогами в объеме, существенно, скажем так, превышающем нашу с вами скромную среднюю школу, владеющий пятью европейскими языками, добавивший к ним наш великий русский, играющий на нескольких музыкальных инструментах, хорошо рисующий, пишущий стихи... Воспитанный с детства в духе нравственной чистоты, недопустимости пользования незаслуженными привилегиями... Хорошо физически развитый, 14-летним мальчишкой принимавший участие в Олимпийских играх (прыжки в воду), получивший два высших образования (одно - теоретическая физика), питавший отвращение к излишествам любого рода, особенно к алкоголю и

табаку, и любивший жизнь. На волне ура-патриотизма уходит в армию после начала первой мировой войны, попадает в русский плен. Видит всю Россию по пути в концлагерь под Владивостоком (обратите внимание на ложь яростных ниспровергателей Ленина - он-де изобрел концлагерь! - Л.Ф.), проходит маршрутом Китай - Сингапур - Суэц и возвращается после вшей, грязи и мерзости нищеты в Италию, где отказывается жить у вельможного отца в роскоши и холе... Вступает в Итальянскую компартию и становится ее боевиком, обеспечивающим «засветку» савинковской агентуры, готовившей уничтожение нашей делегации на Генуэзской конференции. Продолжает учиться и летать на самолетах.... Все это - Бартини!

Как он попал в Таганрог? Оказалось, очень просто: после провала покушения в 1922 году на делегацию Чичерина Бартини попадает на «прицел» контрразведки Савинкова и, естественно, секретных служб Италии, в связи с чем по решению ЦК КПИ бежит в Берлин, где после получения советского подданства расслабляется и, простреленный агентом Савинкова, попадает в католический госпиталь. Оттуда он (из-за обнаруженной им попытки отравления) послом России отправляется в Союз, где работает на «красные крылья», и в 1938-м, в числе других, бывших в контакте с дискредитированным в досье Гейдриха Тухачевским, получает свои десять лет из-за отказа стать «вторым Зорге». Полностью отсиживает их, работая. В последние «срока» попадает к нам. Далее - Новосибирск, а после реабилитации возвращается в Москву на должность главного конструктора МАП, работает над экранопланом в Ухтомке. В 1963 - 1964 - использовались и наши специалисты для этого. А в 1968 году было образовано ОКБ при заводе имени Димитрова для завершения работы над макетом и строительством экраноплана. Но в том же году оно было расформировано и присоединено к нашему ОКБ, где работа довелась до завершения, хотя и не в полном объеме, так как и в этот раз наша техника оказалась неспособной уйти вперед от существующего уровня... Первый полет состоялся в 1972г., в 1974г. - отработка поплавков на земле и воде, в 1975 г. - полеты с уборкой и выпуском поплавков (напомню - 100 кубометров). Полеты 1975 года проводились уже после кончины Бартини. И, наряду с этими фактами, - постоянное мое сомнение в правильности переноса предложенного Бартини переезда к нему на должность заместителя главного конструктора в 1974 году. Не по карьеристским соображениям - по-человечески: может быть, я сумел бы тогда предотвратить его одинокую смерть?..

Остановлюсь на трех аспектах деятельности Роберто Людовиговича, еще недостаточно освещенных в печати. Первый - это бартиниевская теория транспорта Земли, которую я видел и читал в рукописи в 1974 году. Суть ее, в популярной форме, такова.

Если рассматривать наш «шарик» как площадку для транспорта, то следует обратить внимание на общеизвестную истину о 71-ом проценте водной поверхности, освоенной только судами. (Пятый океан - атмосфера - рассматривался им только как среда для возможного перемещения транспортных средств - Л.Ф.). Двадцать девять процентов поверхности Земли - суша, малая доля которой пригодна для самолетов, большая - для вертолетов. Логичен вопрос, а какой вид транспорта будет способен обслуживать землян на максимуме ее поверхности в любое время года с хорошей скоростью переноса полезных грузов? Так Бартини сформулировал свое кредо: всепогодный самолет-амфибия с вертикальным «точечным» взлетом и посадкой. В этом он видел будущее транспорта Земли, хотя в последние годы занимался и другими сухопутными видами - поездами на магнитной подвеске, автовсепроходимости и т. п. Однако добавьте к его главной идее слово «экрanoплан», и вы поймете, что он не только определил лицо глобального транспорта будущего, но и предложил рычаг, которым следовало бы эту задачу поднять... до реальности. Он мечтал, возмущаясь ведомственностью авиации, судостроения и других, создать институт транспорта, но не успел осуществить свою мечту.

Второй аспект жизненных интересов Бартини - физика. Здесь он пришел, к еще не осознанному современниками, пониманию материальности времени, разноходовости его в различных направлениях пространства (шестимерного поэтому), к глобальному закону связи пространства и времени прошлого, настоящего и будущего. В начале статьи я упоминал о его воле опубликовать эти рукописи в 2197 году (300 лет со дня рождения), тогда понимание

его идей будет подготовлено развитием математики и физики. Как знать, ошибался ли гений Роберто в этом? Изучение полтергейста, существ из того света, НЛО потребовало обращения к расшифрованным им трудам, а сколько нерасшифрованных в его архиве?

Третий аспект жизни Бартини - социальная сфера, сфера взаимоотношений людей между собой и с окружающей средой. Здесь позвольте привести его «мысли вслух», которые я, в шутку, в августе 1974 назвал «Несколько слов к человечеству через нецентральное радио и телевидение». Подмосковный сентябрь с ранними легкими заморозками. После рассказа о трех «нет» мы с Бартини стоим у цветника с не погибшими еще, а потому такими незащищенными цветами.

- Какими вы видите глобальные задачи перед человечеством до 2000 года?

- Устранить угрозу ядерной, бактериологической и химической войн, угрозу создания радиологического управления человеком. И, параллельно, если мы не расчистим «авгиевы конюшни» городов и сел от отходов, - мы погибнем как вид «человек разумный».

- Имеют ли значение для нас другие цивилизации Вселенной?

- Я приводил вам пример, сколько времени нужно человеку, чтобы с частотой два герца при нормальном трудовом годе рассчитать сочетания двадцати параметров - около 160 миллиардов лет. Поэтому, несмотря на большое количество «отрезных» ветвей в природе, вероятность синхронного существования цивилизаций, подобных человеческой, исключительно мала. Информация от превзошедших нас по уровню цивилизации к моменту по жизни лучения ее нами безнадежно устареет, а от отставших от нас - смысла не имеет. Надо дорожить нашим существованием как единственным во Вселенной, только тогда на Земле можно навести порядок.

- Зачем вам, - которому открылось блестящее европейское будущее и который отдал делу рабочего класса многомиллионное состояние, преданно работал на социализм, но получил незаслуженно «десятыричку», излишнюю засекреченность, непризнание, - социализм и коммунизм? Почему вы - член двух компартий - КПСС и КПИ?

- Если вы имеете в виду репрессии, то здесь никаким социализмом и не пахло, - это действовали татаро-монгольское иго и гражданская война, развязанная теми, у кого отняли фабрики, заводы, поместья, банки, деньги, земли, добытые отнюдь не самоотверженным честным трудом. Социализм показал себя не репрессиями, а созиданием вопреки им. Разложение его идет с Запада. И начинается сверху - незаслуженным пользованием элитой привилегиями, великодержавным растраниванием народных богатств в другие страны. Но это вскроется и будет устранено. Здесь молодежи не до бороться за социализм, потому что капитализм ей, в первую очередь, коверкает жизнь. Стоять в сторонке - значит дать нас съесть, как это по-русски - с потроха ми. Подумайте сами: идет всеобщая автоматизация, что при лозунге капитализма «Прибыль любой ценой» (только не за счет сидения на пороховой бочке недовольного народа) делает людей ненужными.

- Где выход? И, кроме того, коммунистическая идея в отношениях людей - логическое продолжение великих достижений человеческой философии, начатых язычниками и продолженных святой стороной религий мира.

- Ваше отношение к интернационализму?

- Земля интернациональна, никто не видел естественных ее границ между народами. Наука интернациональна, даже бизнес и преступность интернациональны, заметили?..

Мало кто уже помнит, что на партийных конференциях Бартини вписывал в анкеты в графу «национальность» слово «русский». Когда члены мандатных комиссий обращались к нему, он разъяснял: «Физиология и биология человека таковы, что через 15-20 лет его клетки обновляются полностью. Я прожил в России три раза по 15 лет, и во мне не осталось ни одной итальянской молекулы». И дописывал в анкете: «Трижды».

Да, Бартини был сыном Земли, болел за человечество, считал национальные и государственные границы анахронизмом. Но, вместе с тем, он говаривал нередко: «Добьемся мы освобожденья своею собственной, но хорошо вооруженной рукой, которую опасно пробовать оторвать». И делал жест «Рот Фронт», поднимая руку, стиснутую в кулак. Это очень ха-

рактально для Бартини, настоящего, не по бумажке, коммуниста и человека, испытавшего столько, что другим на несколько жизней хватит. Стоит задуматься в это смутное время отрицания всего, что создано, прав гений Бартини или не прав?

Хочется рассказать о некоторых небольших его изобретениях, в той или иной степени живущих до сих пор, а также упомянуть о его отдельных мыслях, созвучных нынешним временам.

Еще в 1963 году по его просьбе были сделаны шаровые и роликовые наконечники к ножкам стула. Шаровый испытаний не выдержал (портился паркет), а вот роликовый прошел удачно, и Роберт Людовигович с удовольствием демонстрировал этот стул. Затем в Ухтомке ему смастерили кресло с такими опорами, а много позднее пошли «косяками» знакомые теперь всем кресла с роликами, первооткрывателем которых был Бартини.

Брюки Роберта Людовиговича очень привлекали внимание в те годы: были «дудочкой» и изготовлены из вельвета, его собственноручной кройки. Они легко чистились щеткой, почти не истирались и не мялись. С ребяческой гордостью он уверял, что эти брюки «достойны того, чтобы завоевать мир школьников, студентов и холостяков». Поскольку на приемах у министра авиационной промышленности обозрению предстала, как правило, только верхняя часть приглашенных, возвышающаяся над столом для заседаний, этих брюк министр никогда не видел. Но однажды он встретил Бартини в хорошо освещенном лестничном переходе и рассмотрел-таки их. Придя к себе, министр позвонил начальнику финансов и спросил: «Сколько получает Бартини?» - «500 рублей». - «Добавьте ему 50 рублей». - «Зачем?» - «На штаны!».

Этот разговор в течение дня обошел все министерство, вызывая подобострастный смех: во, как уел министр барона Бартини! Когда я рассказал Роберту Людовиговичу этот анекдот, он ответил: «Правда, на штаны мне прибавили жалованье, а я на прибавку сделал еще одни «штаны» и подарю их кому-нибудь из моих высоких гостей из Италии. Для выхода за «железный занавес». (Поговаривали, что он подарил их то ли Луиджи Лонго, то ли Берлингуэру, и коммунистические мастерские в Италии и Франции хорошо на этом зарабатывали вплоть до появления джинсов).

Бартини не сформулировал, но часто приводил в качестве примера закон освоения человечеством энергии. Суть его заключалась в том, что с течением времени человечество один и тот же прирост энергии достигает за более короткие промежутки времени. Примерно как шкала на логарифмической линейке: расстояние между, скажем, семью и восемью во много раз меньше, чем между одним и два. Мне кажется, он был близок к формулировке этого закона, но не успел. А закон может относиться к теории информации и к другим аспектам существования человечества. На мой вопрос, не окончится ли это взрывом, он долго и внимательно меня разглядывал, после чего ответил задумчиво: «А что, маэстро, над этим стоит подумать» и - погрустнел, чему я не придавал значения. Позднее понял, что Роберт Людовигович не рассматривал проблему с такой точки зрения, и для его энциклопедичности и самолюбия это явилось в какой-то степени укором...

Однажды он показал мне модель грандиозного экраноплана массой две с половиной тысячи тонн (как масса американской ракеты «Сатурн-5» для лунной экспедиции и размерами с футбольное поле). На нем были установлены маршевые и поддувные двигатели. Внешние установки двигателей на модели были похожи на три длинные шеренги солдат, и у меня это вызывало не очень положительные эмоции, так как поддувные двигатели в полете не использовались. Я предложил Роберту Людовиговичу установить маршевые двигатели в бортовых отсеках и использовать их для создания реверса тяги и подушки под экранопланом, убрав поддувные двигатели. Он мгновенно понял идею и... снова погрустнел. Я, увлеченный реальностью решения, что-то говорил о выхлопных поворотных головках «Харриера» и, только заметив необычность настроения Бартини, осекся: «Что-то не так?» - «Все, кажется, именно так», - ответил он, грустно улыбаясь. - «Разрешите оформить заявку на изобретение, чтобы и ваше участие было застолблено в этом элементе?». Он помолчал, посмотрел на модель, вздохнул и заявил: «Да, оформляйте свою идею. А я к ней не имею отношения. Это ва-

ша находка, маэстро!». В своей жизни мне, к счастью, никогда не приходилось изворачиваться, чтобы «пристегнуть» начальство к своему изобретению, а здесь я просто был убежден, что мое предложение к его экраноплану - это и его мысль. Но видите, какая реакция истинно порядочного и честного человека, жившего с аутотренингом «я самый-самый»...

«...У меня есть три «нет»: нет чувства страха, нет чувства боли и нет чувства голода», - иногда любил повторять Роберт Людовигович. Насчет страха мне трудно судить, но по тому, как он разговаривал с властью имущими, как вел себя на совещаниях разного уровня, можно сделать вывод о его истинном бесстрашии и представить, как ему доставалось на допросах в 1938-м. Отсутствие чувства боли он продемонстрировал мне, уколов палец булавкой, причем никакого расширения зрачков не последовало. А отсутствие чувства голода у него я три недели подряд испытывал на себе - по своему голоду, когда мы шли на обед только «по часам»... в 14.45.

При всем своем интеллектуальном богатстве, при связях в государстве на самом высоком уровне, при контактах с такими выдающимися представителями науки и техники, как М. Келдыш, А. Туполев, А. Березняк, М. Бондарюк, О. Антонов и многие другие, Бартини был ужасно одинок и душевно непристроен. Ей-богу, как говорят, «сердце сжималось», глядя на его неуклюжие попытки выглядеть счастливым в нерабочее время, когда спадал вал непрерывных дел. Не так уж часто в последние годы, несмотря на множество начатых теоретических и инженерных работ, он имел минуты свободного времени. Но в эти «свободные» минуты к нему, несомненно, приходили мысли о правильности выбранного пути, о необходимости периодической переоценки ценностей. Он делал эту переоценку, но до самых последних минут не нашел оснований считать свою жизнь неудачной. «...Сделайте вывод из моей жизни», - написал он в своем завещании «Моя воля».

Еще раз повторяю, что память о нем требует сделать этот вывод, ибо жизнь и борьба Бартини - грань нашей с вами истории, которую ни переделать, ни отрицать нельзя, несмотря на многочисленные отречения от прошлого и призывы зачеркнуть его. Уверен, жизнь и судьба Бартини все еще ждут своего исследователя.